

Вниманию читателей предлагается выполненный А. Денежкиным и сверенный мною перевод двух сравнительно недавно опубликованных в Германии текстов Хайдеггера. Это – «Нищета», текст доклада, прочитанного Хайдеггером 27 июня 1945 г., и одно из писем, которое Хайдеггер послал 20 августа 1927 г. своему тогдашнему ученику К. Лёвиту из шварцвальдского местечка Тодтнауберг, где находится знаменитая «хижина» Хайдеггера.

В тексте «Нищеты» есть своего рода сенсация. Как заверил меня фрайбургский философ Ф.-В. фон Херманн (издатель Собрания сочинений Хайдеггера), *единственное* во всем известном на сегодняшний день наследии великого философа *упоминание* о Вл. Соловьеве имеется только в этом тексте. О Вл. Соловьеве Хайдеггер упоминает в контексте весьма важного, хотя, увы, и очень краткого рассуждения о роли «софийного» начала в российском духе, в русском философском менталитете. Однако этот краткий текст ценен и актуален также и во многих других отношениях. Прежде всего, следует принять в расчет время, когда он был написан: июнь 1945 г. Германия только что потерпела сокрушительное поражение. Страна лежала в руинах, пребывала в состоянии послевоенной разрухи, повсеместной нищеты и военнополитической зависимости от держав-победителей, включая СССР, эту цитадель коммунизма.

Чем жить и как выжить? Этот вопрос задавали себе многие немцы. Он остро стоял и перед немецкими интеллигентами, причем ситуацию особенно болезненно переживали те, на ком, как на Хайдеггере, лежала вина за (пусть недолгое) сотрудничество с нацистами. Хайдеггер, как известно, специальной комиссией был признан виновным в таком сотрудничестве и до 1950 г. был отстранен от преподавания философии. В июне 1946 г. он был лишь в начале трудного пути к новому признанию, к возвращению в официальное научное и философское сообщество. Я сейчас не собираюсь вдаваться в подробный разбор в высшей степени сложного вопроса о том, какие уроки извлек для себя (и извлек ли их вообще) Хайдеггер из страшного двенадцатилетнего нацистского прошлого и о чем он думал, что он переживал именно летом 1945 г. Но некоторые важные моменты хайдеггеровского смысложизненного опыта именно в тексте «Нищеты» оказываются наиболее интересными.

Хайдеггер читал свой доклад в узком кругу слушателей, собравшихся в частном доме в лесу если и не тайно, то, по-видимому, без всякой рекламы. Он надеялся (о том свидетельствует приведенная в «Замечании издателя» Ф. В. фон Херманна пометка в рукописи), что причина обращения к «ключевым словам» Гёльдерлина именно «в

нынешний период мировой истории» слушателям его доклада (и потенциальным читателям) станет ясной из самого гёльдерлиновского изречения. Впрочем, Хайдеггер не преминул предложить своеобразное истолкование как будто бы вполне понятного парадокса-афоризма Гёльдерлина. Каждый читатель вправе развернуть в связи с фразой Гёльдерлина и истолкованием Хайдеггера свою собственную герменевтическую работу.

Я скажу о том, что мне лично представляется существенным, и не только для понимания текста Хайдеггера.

Время повсеместной послевоенной нищеты – состояния, необычного и весьма болезненного для зажиточных немецких бюргеров, – заставляло искать утешение и надежду. Профессор Мартин Хайдеггер в этот момент рекомендовал вспомнить: сконцентрировавшись на духовном, и обнищавшие люди смогут ощутить себя богатыми; как раз испытание нищетой сильнее высвечивает силу и достоинство духовного. На время попавший в опалу и переживавший со всем народом крайнюю материальную нужду, он знал о бедности не понаслышке. Он вышел из бедной семьи ремесленника, церковного причетника; только трудом и талантом он пробивал для себя и своей семьи путь к относительной материальной обеспеченности. Но и едва обретенная материальная стабильность для Хайдеггера, как и для всего немецкого народа, была нарушена сначала несатыми «мобилизационными» годами нацизма, а потом и истинно нищим послевоенным временем. Итак, Хайдеггер по жизни хорошо знал, что такое борьба с нуждой. И поскольку дух всегда был для него способом возвыситься над нуждой и ощутить себя духовно богатым, слова Гёльдерлина он понимает как «ключевые». Теперь всей нации предстояло выжить и через богатство духовной сконцентрированности превозмочь бедность.

Всю злободневность размышлений Хайдеггера, которые сегодня кому-то могут показаться игрой словами, мне помогло понять то, что довелось увидеть в Германии в 1995 г., когда отмечалось 50-летие поражения нацизма во второй мировой войне – выставки, кадры хроники, телепередачи, книги и документы. Немцы 1995 г. открыто, ответственно и без надрыва вспоминали свое тяжелое и позорное прошлое. А все дело, я думаю, в том, что тогда, в 45-ом, и сегодня, через пятьдесят лет, они снова и снова возвышались до признания вины, покаяния своей нации. Уже в 1945 г. на смену национализму, национальной спеси пришли национальная самокритика, способность если не каждого, то очень и очень многих признать за собой вину, пережить ее и покаяться – не крикливо, надрывно (не в стиле отвратительного ритуала, ярко и даже натуралистично изображенного в «Мухах» Сартра), не обязательно на людях. Но когда нужно, они готовы покаяться и извиниться перед миром в открытую. Я полагаю, что среди главных причин, обусловивших возрождение Западной Германии буквально из пепла, разрухи и всенародной нищеты, – как раз это напряженно пережитое обновление духа, в чем-то и возвращение к искаженному нацизмом духовному процессу развития Германии в лоне мирового духа.

Парадокс, касающийся Хайдеггера, состоял в том, что сам философ как раз не был склонен к покаянию, к которому его понуждали и которо-

го от него ожидали его друзья и почитатели. Для него, человека известного и совершившего (принятием ректорства в 1933 г.) наказуемый проступок, этот процесс должен был обязательно стать *публичным* покаянием, на что Хайдеггер не мог решиться, ибо такой шаг противоречил его характеру, а возможно, и его глубоко скрываемым убеждениям.

Человеку хайдеггеровской судьбы пройти через путь покаяния было значительно труднее, чем многим рядовым немцам, не принуждаемым к унижительным публичным покаянным речам и писаниям. Но что роднило Хайдеггера и его соотечественников, так это нищета, нужда, боль унижения. В Германии многие видные деятели того времени и простые люди призывали народ к терпению в нужде, к мужественному преодолению трудностей. Часто говорилось: у нас нет другого пути и выхода; мы, немцы, сами виноваты перед собой и всем миром в случившемся. Путь назад большинству справедливо представлялся и нереалистичным, и невысказанным. Нужде, стало быть, противопоставлялась особая духовность – решимость, воля, терпение, самокритика, выдержка, дисциплина. Концентрация на духовном помогла немцам победить наследие нацизма и выбраться из нищеты. Текст Хайдеггера – один из первых, в котором была провидчески найдена эта «парадигма спасения» нации благодаря сконцентрированности на духовном. К тому же в тексте Хайдеггера величие духа и духовности, не только не поправленное, но ярко оттененное именно нищетой, возвышено до метафизической ценности и отнесено не к какой-нибудь одной нации или единичной ситуации, но к человечеству и к истории, взятой в ее целостности. Хайдеггер прав, когда он высказывается в пользу весьма широкого толкования фразы Гельдерлина: «мы» – не только немцы эпохи Гельдерлина или немцы 1945 г., но также люди других эпох и наций.

И тут особенно ценно то, что Хайдеггер сам заводит разговор о России и особенностях российской духовности. Недаром же так нужное для его рассуждения выяснение того, что есть дух, духовность, он по сути дела начинает с «софийного» – теософского, связанного с традиционной и обновленной российской мистикой – понимания духовного. Он вполне обоснованно упоминает, – уже не только в связи с традициями, действительно, весьма популярного в русской культуре Я. Бёме, но и с влиянием Гегеля и Шеллинга, – имя Владимира Сергеевича Соловьева. Сам по себе историко-философский вопрос о том, что именно знал Хайдеггер о Соловьеве, какие сочинения последнего (или изложения сочинений) он читал, весьма интересен, но чрезвычайно сложен из-за скудости известного сегодня материала. Тем не менее проблема знаменитого поворота (Kehre) Хайдеггера к усилению онтологического начала в его философии, начавшегося с конца 40-х и 50-х годов, приобретает новый и неожиданный ракурс. Нельзя ли предположить, что хотя бы минимальное знакомство с русской философией серебряного века, – сконцентрированной на онтологизме и «софийной мистике», озабоченной темами «света Бытия», – могло оказать определенное влияние на дальнейшее движение Хайдеггера к результату, который отчасти близок российскому философствованию? Вопрос пока остается открытым.

Но что из текста «Нищеты» без сомнения явствует: Хайдеггер призывает приглядеться к той сложной и непонятной духовности, именно духовности, которая скрывалась тогда – да ведь скрывается и сегодня – за словами «русский коммунизм». «Внешняя сторона» коммунизма, будь это «грубый материализм», будь это определенная политическая сила или игра, – тоже есть, по верному определению Хайдеггера, совершенно особая духовность, связанная с традициями России и укорененная в них.

И поскольку Россия в очередной раз беременна «российским коммунизмом», требуются глубокие, неидеологизированные размышления над ним именно как видом духовности и над его непростой связью с другими традициями русского духа.

О письме Хайдеггера к Лёвиту скажу лишь очень кратко. Оно интересно как иллюстрация к биографии обоих мыслителей. И как свидетельство того, сколь предусмотрителен Хайдеггер, когда речь идет об отношениях внутри философского университетского сообщества и когда в расчет принимаются характеры, связи, даже возможные интриги в профессорской среде, которую Хайдеггер, как известно, не жаловал. Но наиболее интересна, пожалуй, та часть письма, где Хайдеггер, раздосадованный критическими замечаниями учеников и в то же время проявляя уважение к их мнению, пытается дать разъяснения относительно «онтического обоснования философии как онтологии», т.е. относительно одного из важнейших пунктов «бытия и времени».